

Ань Цзинъюань изо всех сил пытался сдерживать витавший в воздухе аромат.

Он понятия не имел, к каким колоссальным последствиям может привести внезапное проявление феромонов у низшего Омеги после совершеннолетия, но одно знал твёрдо: подобный исход был бы катастрофой.

Ему не нужны были дети. Вернее, он категорически не желал превращаться в инкубатор.

Стоя под ледяным душем, Цзинъюань до боли вонзился зубами в собственное запястье, рассчитывая, что острая вспышка приведёт разум в чувство. По руке потекла алая кровь; смешиваясь со струями воды, она стекала к стоку длинными багровыми ручьями.

Жуткое зрелище. Цзинъюаню было больно, а тело, несмотря на ледяную воду, изнутри охватывал плотный, иссушающий жар.

«Неужели это и есть период росы?» — смутно подумал он.

Жаждающая волна, накатывающая раз в месяц-два или даже реже. Насколько же это невыносимо.

Ему поневоле вспомнилась Юань Инсюэ. Если к Второй и Третьей господам во время их периода росы генерал Ань всегда навещался лично, то его мать с её нестабильным циклом и кротким нравом никогда ничего не требовала — и оставалась в полном одиночестве. Выходит, все эти годы она раз за разом молча терпела подобную муку?

Сквозь накатывающие волны дурноты Цзинъюань услышал за дверью запыхавшийся голос Ань Цзинси:

— Брат! Я здесь!

Вчера они обсудили ситуацию, и Цзинси пообещал достать подавитель феромонов для Омег, но даже не предполагал, что всё произойдёт так быстро.

В ванной Цзинъюань с трудом разомкнул тяжёлые веки и повернул голову к двери. Рука его была сплошь залита кровью; сил отозваться не осталось вовсе.

За дверью Цзинси поморщился. Воздух пропитался густым, почти физически ощутимым ароматом.

Альфы легко поддавались зову омежских феромонов, поэтому в целях безопасности почти всегда имели при себе подавители. Существовало два типа: таблетки и инъекции. Уколы действовали быстрее и жестче.

Не медля ни секунды, Цзинси достал шприц-тюбик, скинул куртку, задрал рукав и вколол дозу себе в руку. Лишь когда в голове немного прояснилось, он толкнул дверь в ванную.

На лбу Цзинси вздулись вены. Сердце сжала острая, почти физическая боль от увиденного.

Под непрерывным шумом воды Цзинъюань сидел, прижавшись спиной к холодному кафелю. Промокшая насквозь белая одежда пропиталась кровью, по полу к сливной решётке тянулись алые струи.

Цзинси решительно шагнул вперёд:

— Брат, я думал, обойдётся таблетками, но на всякий случай принёс и инъекции.

Он подхватил Цзинъюаня под руки. Тот прислонился головой к его плечу, почувствовав, как напряжение наконец немного спадает.

Отогнув мокрый рукав Цзинъюаня, Цзинси увидел искусанное предплечье — следы зубов сплошь покрывали кожу. Сжав зубы от щемящей тоски, он быстро ввёл раствор в мышцу.

Затем выключил воду:

— Замёрз?

Цзинъюань ничего не ответил — глаза его закрылись, и он провалился в небытие.

Цзинси вынес брата из ванной, переодел в сухую пижаму и бережно обсушил ему волосы.

Когда Цзинъюань снова открыл глаза, часы показывали четыре часа дня. Инъекция сделала своё дело: дурнота отступила, разум прояснился. Сделав глоток из стакана, который протянул брат, он уставился в окно.

— О чём ты думаешь? — тихо спросил Цзинси.

— Да так... ни о чём, — ответил Цзинъюань, переводя на него взгляд.

— Не обманывай меня.

Они молча переглянулись. Помолчав, Цзинъюань признался с тихой горечью:

— Я просто злобствую... Злюсь на то, что не способен управлять собственным телом.

— Это естественная реакция, — попытался утешить его Цзинси.

Цзинъюань молчал. Цзинси хотел бы подобрать нужные, убедительные слова, но красноречием никогда не отличался и сам толком не знал, как успокоить брата.

Цзинъюань лишь горько усмехнулся.

— У каждого есть изъяны, — мягко произнёс Цзинси. — А любой изъян можно преодолеть. Сегодня я достал подавители, рассчитанные на Омег высокого класса А. И ампулы, и таблетки.

Он выложил на столик остатки препаратов: из четырёх ампул осталось три, а в упаковке лежало шесть прозрачных пакетиков по три таблетки в каждом.

— Укол делается дважды в день, утром и вечером. Действует буквально за тридцать секунд, злоупотреблять им нельзя. Таблетки чуть слабее, начинают работать минут через десять, их принимают трижды в день.

Обычно период росы длится два-три дня. Первые двое суток — самые тяжелые, без подавителей не обойтись, а на третий день можно справиться и на одной силе воли. Если же использовать подавители грамотно, можно полностью приглушить инстинкты и вести вполне обычную жизнь.

— Чтобы избежать неприятностей, давай на эти пару дней поменяемся комнатами, — предложил Цзинси.

Цзинъюань озадаченно нахмурился.

— Судя по тому, что препарат сработал, твоя конституция сейчас соответствует классу А или ниже. Но это только первый день. Самое опасное время — сегодняшняя ночь и завтрашнее утро.

Цзинъюань понял замысел. Это был именно тот сценарий, которого они опасались больше всего. Если предложенные препараты перестанут действовать, это будет означать худшее: во время первой волновой точки его организм трансформировался в Высшую категорию S-класса.

Впрочем, шанс на это оставался ничтожным — Омег высшего класса в Империи считанные единицы. Даже генералу Аню в своё время достались лишь супруги высокого класса А и В.

— В моей спальне изоляция лучше, — добавил Цзинси, потрогав лоб Цзинъюаня. Тот всё ещё горел. — Если что-то пойдёт не так, запах хотя бы не просочится наружу.

Цзинси на мгновение задумался, можно ли совмещать подавители с жаропонижающим, и

решил проверить в сети.

— Брат, отнесись к этому серьезнее. Честно говоря, из всех феромонов Омег, что мне приходилось слышать, твои — самые приятные.

— Я понял тебя, Цзинси.

Оптический компьютер дал чёткий ответ: жаропонижающее могло ослабить эффект подавителей, поэтому, если возможно, лучше было обойтись без таблеток. Цзинси применил проверенное средство — холодный компресс на лоб.

Затем его взгляд упал на руку брата. Кожа у Цзинъюаня была фарфорово-белой, без единого изъяна или родинки, а теперь её уродовали багровые следы от зубов. К счастью, современная медицина позволяла убрать такие повреждения без следа при правильном уходе.

Достав регенерирующую мазь, Цзинси аккуратно обработал ранки:

— Больно?

— Нет, — качнул головой Цзинъюань.

Они улеглись и начали неспешно разговаривать. Цзинъюань обычно молчал, но ему нравилось слушать брата — от его речей веяло настоящей, живой жизнью. В свои восемнадцать Цзинъюань не ходил в обычную школу, его круг общения ограничивался матерью и братом... И ещё теми, с кем он познакомился под именем Цзинси. Впрочем, настоящими друзьями их назвать было нельзя. Они знали «Ань Цзинси», но никогда не знали самого Цзинъюаня.

В половине шестого пришло известие: генерал Ань вернулся в поместье. Это означало, что в семь вечера всё семейство обязано собраться за семейным ужином — мероприятием, обычно не вызывающим ни малейшего аппетита.

В шесть тридцать Цзинъюань на всякий случай принял таблетку-подавитель.

Перед самым ужином братья поменялись одеждой. Цзинъюань облачился в вещи Цзинси, а тот надел наряд старшего брата. Нынешнюю ночь им предстояло провести в чужих комнатах.

Осмотрев брата, Цзинси заметил:

— Пусть этот ужин и пытка, но ты обязан хоть немного поесть.

— Ты тоже, — улыбнулся Цзинъюань.

— Естественно.

Братья вместе спустились вниз.

В столовой их уже ждали первая госпожа Юань Инсюэ, третья госпожа Ци Сюаньтун и четвёртая барышня Ань Синьхань. Остальных пока не было.

Цзинси, изображавший старшего брата, сел подле матери, а Цзинъюань занял место рядом с ним.

Ровно в семь вошёл третий молодой господин Ань Синьи. До чего же двуличными были правила в этом доме: опоздай близнецы хоть на минуту — поднялся бы шум, но Синьи его опоздание прощалось без лишних слов.

Генерала Аня всё ещё не было, а без главы дома к трапезе прикасаться запрещалось. Столовая погрузилась в тягостное молчание, затянувшееся на целый час.

Лишь в восемь часов появился генерал в сопровождении второй госпожи Шу Сюэцин. Щёки женщины пылали румянцем, губы влажно блестели, а на шее алели свежие отметины — не трудно было догадаться, чем они занимались. Разумеется, никто не посмел выразить недовольство: авторитет генерала в поместье оставался непререкаемым.

Слуги подали блюда. Лишь после того как генерал взялся за приборы, остальные приступили к еде. Цзинъюань почти не прикасался к кушаньям — аппетит отсутствовал напрочь.

Едва ужин завершился, генерал Ань бросил короткий взгляд на Цзинси:

— Цзинъюань, за мной в кабинет.

Цзинси, исполнявший роль старшего, ответил с безупречной почтительностью:

— Слушаюсь.

Юань Инсюэ тревожно замерла и поспешила вслед за сыном и мужем.

Остальные стали расходиться. Цзинъюань направился к лестнице, как вдруг его со всего размаху плечом задел Ань Синьи. В прошлый раз тот пришёлся в левое плечо, на этот раз — в правое. Хоть Цзинъюань и ждал подвоха, он всё равно пошатнулся и едва удержался на ногах, вовремя схватившись за перила.

Вытерев выступивший на лбу пот, он нахмурился.

Синьи, задрав подбородок, выплюнул с презрением:

— И это наш «высший класс» Ань Цзинси? От элементарного толчка увернуться не можешь, никчёмьш!

С этими словами он в несколько прыжков преодолел оставшиеся ступени.

Цзинъюань лишь вздохнул. Будь на его месте настоящий Цзинси, дело закончилось бы дракой. Синьи постоянно получал от него по шее, но упорно продолжал нарываться.

Приложив пальцы к сканеру на двери спальни Цзинси, Цзинъюань не спешил входить. С пролёта донеслись шепотки двух служанок:

— Четвёртая барышня говорила, будто после обеда в доме пахло дивным омежьем феромоном...

— Так у второй госпожи как раз период росы, её аромат, верно?

— Будь это вторая госпожа, разве барышня назвала бы этот запах приятным?

— И то правда... Эх, каково это — чувствовать феромоны?

— Нам, бета-обывателям, не понять. Всякие модные духи пытаются передать этот запах, да всё не то.

— Вот бы родиться Альфой или Омегой! Хотя нет... лучше Альфой.

— И я о том же...

Заметив стоящего у двери «второго молодого господина», служанки мгновенно осеклись и, побледнев, низко поклонились:

— Второй молодой господин...

Цзинъюань отвёл взгляд и шагнул в комнату. Служанки облегчённо перевели дух прямо за его спиной.

Дверь закрылась. Цзинъюань оглядел помещение и опустился на диван. Вся комната была пропитана родным ароматом Цзинси — запахом, дарившим спокойствие.

Спустя полчаса на его оптический компьютер пришло личное сообщение от брата. Цзинъюань

кликнул по уведомлению.

<http://bllate.org/book/20423/2111873>